

Про Матвея, про Луку, сыновей Петровичей

«А Лука-де, Матвей, дети е Петровичи,
А не ездите, робята, да в русьскую сторону,
Ко Митрею не ходите по ронну сестру!
А Митрий Обраньский он хитёр-мудёр:
По поднебесью летат да ясным соколом,
По синю по морю ходит рыбой щукою,
А по чистым-де полям и бегат да серым волком,
А черными грезями — чёрным да медведём,
Он густыма поволоками — горностальчиком!»
А на то ле Лука, Матвей не сдаваютце —
Идти они, ехать да там собираютце.
Говорил им тут ле дедюшка во второй након:
«Вы Лука ле, Матвей, дети Петровичи!
А не ездите, робята, да в русьску сторону,
Вы ко Митрию не ездите по ронну сестру!
Кабы с Митрием мы на заставы
А стояли с Обраньским ровно триццеть лет.
По окончению того году триццатого
Кабы клали с им заповеди великия,
Не ё ста рублей клали ле, ё тысени —
Ё своих клали да о буйных головах:
А которой на которого мы наступим же,
У инного по колён ноги выломать,
У другого изо лбу дак оци выкопать!»
А на то бы Лука, Матвей не сдаваютце —
А итти-ехать да всё срежаютце.
А отправились робята да в русьску сторону,
А ко Митрию отправились по ронну сестру.
Кабы ехали они с утра день до вечера,
Насквозю-де ночь целну до белá свету.
Приеждяют робята во Обраньской город —
Кабы Митрия дома не случилось,
А Обраньского ле дома не погодилосе:
А уехал во чисто полё за охотою,
Как стрелеть бы гусей да белых лебедей,

Кабы ле маленьких да ён утёнышков.
А бы начали робята да розорётъ город:
А молóдых-то молóдушек всех летіцеми,
Кабы да красных-то девушек всех толпіцеми,
Кабы старых-то старух гнули коробицеми,
Кабы старых стариков на колья вешали,
Кабы светые церькви соборны держ'ли конюшенки,
Кабы пресвету ту мать Богородицю
А спускале они ей на конец воды,
У Светителя Миколы да всё Можайськёго
Пеленóй-ту пеленали да коней добрых —
Добирались бы до Митрия ронной сестры:
А сидела за трема дверьми за железными,
За трема бы замками за немецкима.
Отрывали бы замки немецкие,
Отпирали они двери все железныя —
А сидит тут да Митриева ронная сестра,
А сидит ёна слезно уплакалась.
(Город ронной розорили, как не заплакаться!)
Брали они ей за белые руки,
Повели бы её да вон на улицу.
А садились робята на добрых коней —
Тут отправились робята да назад домой.
Кабы ехали с утра ёни день до вечера,
Насквозю ночь тёмну до белая светá.
А с того с устатку со великого
Придумалось молодцам-де опочинитьцэ.
Розвернули они да свой черной шатёр,
Заходили робята да во черной шатёр.
А бы были у Митрия три ле ворона,
Три ле ворона да как кормлёные.
Полетели искать они ласкова хозяина,
А нашли бы во чистём поле белой шатёр.
А э первой-от ворон сел на сырой дуб,
А другой-от ворон сел на матушку,
А на матушку ле сел на сыру землю,
А третей ворон да сел на бел шатёр.
На дубу-ту ле ворон да стал спрограивать,
Кабы сырой-ёт дуб стал пошатывать,

Ветлинка с ветлинкою сплетались
И к зёмле приклонялися —
Кабы спит тут ле Митрий, не пробужаетця,
С богатырским сном не розлучаетца.
На земли тут вóрон стал спрогра́ивать,
Мать сыра земля стала придра́гивать —
Кабы спит тут ле Митрий, да не пробудитця,
Со великием сном спит не розлучитца.
На шатру-то ле ворон да стал спрогра́ивать,
Бел шатер-от стал да заполаскивать —
Пробужаетцэ тут Митрий нань Обраньский.
А выходит ле Митрий да вон на улицу,
Он увидел тут вóронов кормлённых:
«Вінно, есь у мя над гóродом невзгодушка,
Винно, есь у мя над Обраньским великая!»
Ёбернулса Митрий тут ясным со́колом,
Уж поднялса он да по поднёбесью,
А налетел бы на свой дак на Обраньский горóд —
А стоит ле нонь город разорённый весь,
А бы Митрия сестра́ — увезёная.
Полетел бы тут Митрий во чистó полё,
Он нашел бы — стоит там чернóй шатёр.
Ёпускалса ле Митрий ко чернóу шатру́,
Ёбернулса да горноста́льциком.
Как заскакивал он дак на чернóй шатёр,
А гледел бы он тут...
А сидит бы ронна́ сестра́ заплакалась,
А лежат бы да на колёнях да два татарина.
Кабы начал он тут поскакивать,
А приправу как ихну стал присматривать —
А шелкóвы-те ерка́ны все на клуб смотал,
А сабёльки востры все повы́щербал,
Как тугíх-то луков стру́ны повыел все,
Э калёных у стрел у́ши сколúпывал,
А копеица бурзомечеськи все повы́вихал.
А выходит бы Митриева ронна́ сестра́,
Увидала следки да горноста́льёвы,
А идёт бы в шатёр дак усмехаитцэ.
Говорят бы ле тут два татарина:

«Кабы что же ты, красавица, усмехаишьсе?» —
«Ронной брателко у меня тут поскакиват».
Вылетали татары вон на улицу,
А хватались за ерканы шелковыи —
А шелковы же ерканы на клуб все смотаны.
А хватались за сабли вострыи —
А сабёльки-те и повыщербаны.
А хватались бы за туги луки скорешенько —
А тугиих луков струны все повыены.
А хватались за стрелки за калёныи —
А у стрелок ушй все сколупаны.
А хватались за копеица бурзомечеськи —
А копеиця-те с носадками вместиа лежат.
Опустили молодцы руки белые,
А обёртывалса Митрий да добрым молодцом:
«Уж вы здравствуйте, да удалы добры молоццы!
Вам не сказывал ле разве ронный дедюшка —
А у нас клажены с им заповеди великия:
А которой на которого наступим же,
Э у инного по колен ноги выломать,
У другого изо лбу оци выкопать?»
Уж как он изо лбу оци выкопал,
У другого по колен ноги выломал,
Безногого посадил как на безглазого на плечи:
«Безглазой — неси, безногой — указывай,
Подьте к дедюшке со выслугой!»

(Зап. Астаховой А. М.: 19 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на — от Торопова Николая Самсоновича, 79 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.